

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Рошаль Л.М.

НЕНАЗВАННЫЙ ДРУГ. МОЙ ЛЮБИМЫЙ СТАНИСЛАВ ЯКОВЛЕВИЧ!

Интеллигент. Сухопарый, подтянутый, без животики, среднего мужского роста, немного выше меня. С активной мимикой. Ни разу не видел, чтобы от хохота он падал на землю. Ни разу не видел пьяным, чуть поддавшим – да. Ни разу не видел плачущим. Ни разу не видел небрежно одетым, даже дома.

Опаздываем вместе на утреннюю конференцию. Бежим. Перед дверью останавливается, несколько секунд успокаивается, спокойно открывает дверь и заходит в аудиторию.

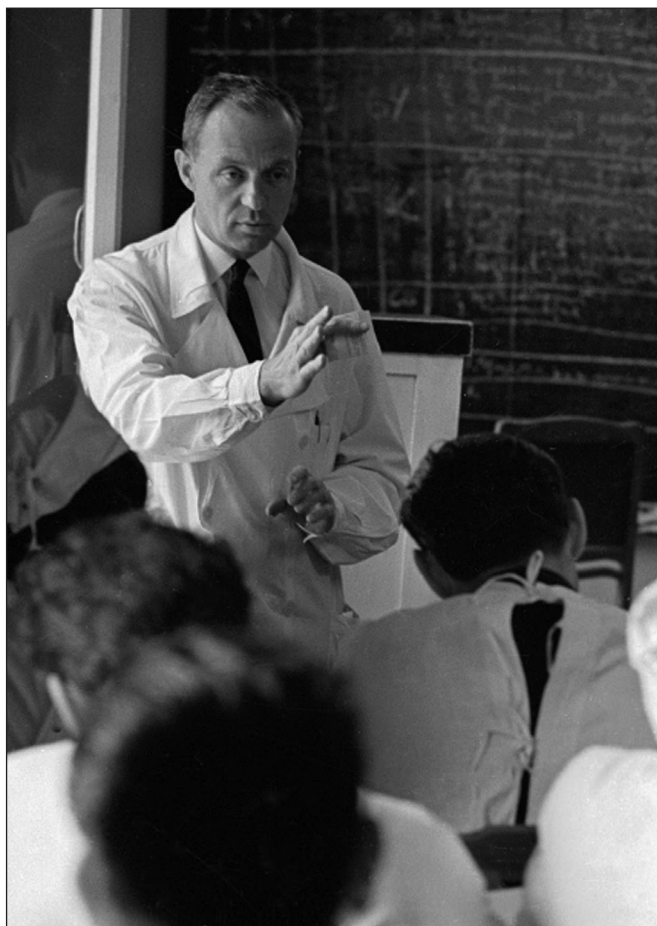
Родители со сложной революционной биографией: отец, который был и наркомом Внутренних дел Литовско-Белорусской ССР и руководителем ТАСС, застрелился перед арестом в 37. Мама 17 (!) лет была в ссылке и я отчётливо помню как она вернулась в 1957 году. А он – всю жизнь их сын.

Успел: в 1943–1945 гг. участвовал в Великой Отечественной войне, работал зауряд-врачом, а затем ведущим хирургом полевого передвижного госпиталя 2-го Белорусского фронта. Награда (орден Отечественной войны II степени) нашла героя спустя годы, за 10 лет до смерти (06.04.1985). А до этого был серебряный Крест Заслуги (Польша). Как-то у него всё было не просто.

Он очень хотел быть академиком, но его незаслуженно отодвигали. До него члена-корреспондента дали его ставленнику Г.А. Баирову из Ленинграда и молдавскому детскому хирургу Н.К. Георгиу. Перейти из членов-корреспондентов в действительные академики ему также не давали многие годы. Избрали его действительным членом АМН СССР совсем перед смертью.

Первым он открыл для отечественной детской хирургии окно в международный детский хирургический мир. Он первый познакомился с зарубежными толстыми монографиями по детской хирургии и первым стал внедрять в детскую хирургию и лечение болезни Гиршпрунга, урологические операции и хирургию новорождённых, и многое другое. Он первым среди отечественных детских хирургов стал членом наиболее значимой британской ассоциации детских хирургов. Вторым членом от СССР он пригласил быть меня, и мы вместе с ним летали в Англию.

Пальцы – не толстые, а даже чуть удлинённые, пианистические, похожие на пальцы великого хирурга Юдина. Да и по жизни многое – одинаково. Только тот сидел, а этот не сидел. И даже наоборот – Долецкому разрешили одному из первых без сопровождения сотрудников органов поехать в Италию на конгресс. Помню его восторг от ощущения свободы.

С.Я. Долецкий

ню его восторг от ощущения свободы.

Учитель и ... Мне показали записочку С.Я. Долецкого в Учёный совет перед моей апробацией кандидатской, когда я работал в МОНИКИ после окончания у него ординатуры. В записочке он сомневался в приводимых мной данных. Защита прошла блестяще. Я сделал вид, что ничего не знаю, а он – что ничего не писал. И это нам не помешало в будущем десятки лет тепло и тесно общаться.

Он часто приглашал меня к себе домой в квартиру на Садово-Кудринской. Я был у него и в старой квартире на Бауманской, ещё до того, как он получил новую, на Садовом кольце, рядом с планетарием и

«Филатовской» больницей. Тогда и Андрей и Алёна были ещё маленькими. Первая жена Долецкого – Кира Владимировна Даниэль-Бек была на два года его моложе. Она – доктор наук, онколог. По профессиональным вопросам никогда с ней не сталкивался. Но в домашней обстановке встречал не раз. Спокойная, твёрдая, уверенная. Кажется, она раньше Станислава Яковлевича защитила диссертацию. Повторно Долецкий женился через 5 лет после смерти Кире.

Я был свидетелем зарождения его любви с Лолой. Уникально, разница в 50 лет! Ему уже 70! Он неоднократно мне говорил, как ему с ней хорошо. Я видел их вместе не раз. Разницы не чувствовалось. Но Лола действительно была его последней любовью. Я не раз думал о том, как сложится дальнейшая судьба Лолы. Она – молодец. Устояла и состоялась.

Ко мне относился хорошо. Мы сблизилась, когда я был старостой студенческого кружка по детской хирургии в институте, а он, после самого интеллигентного из интеллигентов доцента А.Е. Звягинцева, стал его руководителем. При Долецком я организовал и провёл первые Всесоюзные конференции студенческих научных кружков при кафедрах детской хирургии страны, которые продолжают до сих пор, уже более 60 лет. Я, будучи студентом, вместе с моей будущей женой Неллей Торогтадзе (тоже студенткой) помогал Станиславу Яковлевичу в экспериментальной работе по пластике диафрагмы у собак и он не забыл отметить это в диссертации.

Я восхищался его филигранной техникой операций, знанием анатомии и творческим подходом. Замечу, что он не заканчивал педиатрический факультет, но стал прекрасным детским врачом.

Меня на кафедре не оставили и Долецкий не заступился за меня, что в конце концов оказалось очень хорошо. Я ушёл на практическую работу. Когда он вернулся в Москву и стал работать в «Русаковке», то позвал меня к себе в ординатуру. Он доверил мне организацию отделения хирургии новорождённых и самостоятельные операции, организацию и проведение первого курса по хирургии новорождённых для врачей ЦИУ, доверил проведение операции резекции толстой кишки при долихоsigме и ассистировал мне на операции и пр.

После окончания мной ординатуры, Долецкий снова не способствовал тому, чтобы я остался в больнице или на кафедре. И опять это оказалось замечательно. Меня через некоторое время безработицы пригласили в МОНИКИ, где я прошёл настоящую хирургическую школу и стал детским хирургом широкого профиля.

На кафедре у С.Д. Терновского конкуренция была жёсткой. Говорили, что сам он – из семьи священнослужителя. Рядом с Долецким работали М.В. Волков – в будущем академик, директор ЦИТО; Ю.Ф. Исаков – в будущем академик, с 1981 по 1987 г. – заместитель министра здравоохранения СССР, с 1989 по 2001 г. – вице-президент Российской академии медицинских наук, А.Е. Пугачев – в дальнейшем руководителем отделения детской хирургии НИИ педиатрии АМН СССР, В.М. Державин – в будущем главный детский хирург России, Э.А. Степанов – в дальнейшем академик, главный детский хирург но-

вой России, И.К. Мурашов, возглавивший кафедру после С.Д. Терновского. А травматологи – Кондрашин, Громов, Андриашин. Всех не перечислить. Долецкий был беспартийным.

Недругов у Долецкого было достаточно. Не забуду, как перед самой защитой докторской диссертации появилась грязная анонимка и защита висела на волоске, но всё закончилось благополучно.

На кафедре у Терновского в «Филатовской» становилось тесно. После защиты докторской Долецкому предложили кафедру в Ленинграде. Выбора не было. Вскоре он уехал в Ленинград заведовать кафедрой детской хирургии. О нём в Ленинграде вспоминают хорошо. После себя в Ленинграде оставил Г.А. Баирова и не ошибся.

Но желание работать в Москве было большим, и он принял приглашение в ЦИУ. В Москву Долецкому очень хотелось, но хотелось, если честно, только ему. Он прошёл по конкурсу на кафедру детской хирургии ЦИУ и остановился на клинической базе в Рузаковской больнице.

В «Рузаковке» ему было работать не просто. Конечно, главный врач больницы и очень известный детский хирург В.А. Кружков его ревновал – любви не получилось. Старания заместителя главного врача по хирургии, милого «дипломата» и поэта Л.А. Пашерстника как-то сгладить отношения так и не увенчались успехом. Не простые отношения у него были с заведующей травматологическим отделением Удрис (она же секретарь парторганизации) и с заведующей урологическим отделением Константиновой. Но то, что «Рузаковская» детская хирургия при Долецком выросла и стала составлять определённую конкуренцию «Филатовской» было налицо.

Искусство. Общение и дружба со многими известными режиссёрами и артистами, посещение выставок и спектаклей, обсуждение опубликованных и неопубликованных художественных произведений было частью его активной жизни. Он тянулся к искусству и великие тянулись к нему: Никулин, Высоцкий, Товстоногов, всех не перечислить. Для меня важно высказывание о нём совсем не ребёнка В. Высоцкого: «Я вас люблю и почитаю как одного из самых интересных действующих людей нашего времени и земли нашей и ихней».

Среди его работ не по профессии я бы выделил книжку «Мысли в пути», которую читали не только профессионалы.

Человек, который имел своё независимое мнение по многим вопросам. Он был просто нестандартный человек и хороший собеседник. Конечно, он был не стандартным человеком. Разве может стандартный человек встать рано и до работы ехать в Серебряный Бор покататься на лодке, иногда не один. Или нарядившись в валенки поехать на выходные в подмосковную деревню в деревянный домик с пишущей машинкой и печкой, работать и подбрасывать дрова. Не раз приглашал меня. Никогда не было скучно.

В результате: неопределённо огромное число вылеченных детей и благодарных родителей, преклонение детских хирургов и учеников, к которым я и себя причисляю и благодарю Станислава Яковлевича за самобытность, школу и окно в мир.